

75 ПОБЕДА! 1945-2021

ОДИН ДЕНЬ ТЯЖЁЛОЙ И СТРАШНОЙ ВОЙНЫ

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ПЬЯНКОВ, СЫН ФРОНТОВИКА

Что подвигло меня на воспоминания о моём отце – фронтовике Алексее Николаевиче Пьянкове (1910 – 2004), о первых днях жестоких и кровавых боёв? Видимо, это дата – 75 лет Великой Победы, и уход из жизни поколения, для которого война была битвой за себя, за семью и Отчизну. Эти понятия не были для них пустым звуком.

На Великую Отечественную мой отец ушёл уже опытным бойцом. Я много раз просил его рассказать о войне, о том, за что он получил награды, какие подвиги совершил. Но он больше отмалчивался или говорил коротко и с неохотой. По его убеждению, о победах, подвигах и наградах пишут полководцы и журналисты, а правду о каждодневных испытаниях тех лет знают только солдаты.

И вот один наиболее значимый, судьбоносный, а может быть, даже самый трагичный фронтовой день моего отца навсегда врезался ему в память. Рассказ о нём остался и в моей памяти...

От отца, из книг о войне я знаю, что в декабре 1941 года ставка Верховного Главнокомандования объявила о создании Волховского фронта. В него вошли действующие 4-я и 52-я армии, сформированная в Вологде 59-я и резервная 26-я армия, вскоре переименованная во 2-ю Ударную. Перед фронтом была поставлена задача: разгромить противника на Волхове и, наступая в северо-западном направлении, совместно с 54-й армией Ленинградского фронта деблокировать Ленинград.

Мой отец был направлен на один из самых жестоких участков битвы, на Волховский фронт, где немецкие армии хотели сомкнуть кольцо вокруг Ленинграда и перерезать единственную дорогу жизни на Ладожском озере. В те дни он

писал жене: «Дорогая Сима, я нахожусь в составе четвёртого эшелона, отправляемого на фронт. Три предыдущих вернулись с пустыми вагонами, даже без раненых солдат. Осознавая всю реальность событий, прошу только об одном: береги себя и вырасти сына».

Противник оборонял западный берег реки Волхов, но наши войска имели там небольшие плацдармы. Первая позиция обороны противника состояла из опорных пунктов, основу которых представляли деревоземляные огневые точки для пулемётного расчёта или противотанковых орудий, соединённые между собой траншеями.

Из-за плохого состояния путей подвоза наша артиллерия и миномёты к началу артиллерийской подготовки имели менее половины снарядов и мин.

Утром 6 января 1942 года началась наша артиллерийская подготовка, длилась она около 30 минут, но система огня обороны противника была подавлена только частично.

По сигналу с КП командиров полков пехота и танки дружно пошли в атаку, но когда наши передовые цепи ворвались в первую траншею противника, застрочили пулемёты. Наша пехота стала нести потери и залегла. Им на выручку под губительным огнём шли сибиряки, но момент был упущен, части несли большие потери. К общему несчастью, в этот день мороз доходил до 37 градусов. Многие раненые замерзли, санитары не успевали им помогать, так как сами гибли под огнём врага.

Когда к вечеру начался снегопад, да и стало темнеть, командир дивизии приказал отвести пехоту на исходное положение. Танки прикрывали огнём отход пехоты.

Зимой толщина снега в тех местах достигает полутора метров. Техника не выдерживала сильных морозов. Вдобавок ко всему надо учесть, что этот район представляет собой болотистую местность, поэтому обеим противоборствующим сторонам приходилось непросто.

Ночью с 7 на 8 января наступление наших частей продолжалось. Бои шли день и ночь непрерывно, но успехи были незначительными. Дивизия выполняла задачу, поставленную командующим армией, но ценой больших потерь

личного состава. Этот рождественский день стал днём жизни до и после для офицера-связиста Алексея Пьянкова.

Отец рассказывал, что в шесть утра 7 января 1942 года было холодно, сумрачно и сыро. Был получен приказ готовиться к атаке. Бойцы загремели штыками, прилаживая их к стволам винтовок.

Секундный свист – сигнал к атаке. Бойцы, все как один, рванули с места и побежали к холмам, очертания которых лишь неясно вырисовывались в тумане. Их атаку и стихающую артподготовку подхватило протяжное, в одно дыхание, нарастающее «ура!». Через несколько секунд с высоток загрохотали пулемёты, раздался треск винтовочных выстрелов, начали разрываться мины. Как-то сразу рассвело. Вокруг свистели-чиркали пули, а они всё бежали. Но вот упал тот, кто вчера в блиндаже играл на гармошке. Покачнулся сибиряк, упал, согнулся и замер навсегда. Взрывом сбilo с ног коренастого белоруса. А боец бежал дальше. Через пару шагов пуля вошла ему в грудь. Он упал как подкошенный, уткнулся в землю каской и навсегда замер возле кочки, где только начала прорастать из земли молоденькая берёзка. Потом была третья атака, четвёртая...

Бойцы лежали на открытой местности, немецкие крупнокалиберные пулемёты не давали им подняться. Потери с нашей стороны были огромные.

Отцу особенно жалко было молодых красивых ребят, студентов Московского института физкультуры. Они рвались в бой, а теперь лежали неподвижно, замерзая, уткнувшись лицом в снег...

Как только рассвело, немецкие самолёты без особых препятствий стали методично бомбить и расстреливать наши позиции из пулемётов.

Приказа отступить и перегруппироваться не было. Не было и возможности поесть горячей пищи. Наши «кукурузники», уворачиваясь от немецких истребителей, сбрасывали мешки с сухарями, которые падали как на наши, так и на немецкие позиции. Две горсти мороженой хлебной крошки не решали проблему голода, шинель стала жёсткой, руки отказывались перезаряжать винтовку.

Состояние было критическое: голод, холод, отсутствие боеприпасов и медикаментов, моральное и физическое давление фашистов, смерть везде близко, совсем рядом.

Прекратив артобстрел и налёт авиации, немцы стали систематически утюжить наши позиции из тяжёлых миномётов. Мины рвались совсем близко. Ветер разносил в сторону поднятую снеговую взвесь, которая оседала на деревья и кусты, на шинели и каски бойцов. Последняя дробь пулемёта – и на замёрзшем болоте наступила гробовая тишина. Стали слышны стоны раненых.

Вдруг над берёзой, под которой лежал отец, раздался громкий взрыв. Яркая вспышка. Обожгло всю спину, дикая боль запеленала глаза. После того как очнулся, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, страшная слабость и головная боль. Подумал, что конец и это последние минуты его земной жизни. В мыслях обратился к Богу: Господи, если Ты есть, дай возможность напоследок понюхать краюшку хлеба, сорвать в поле ромашку и погладить по головке сына. Он потерял сознание, но потом, сквозь тьму и тишину услышал чей-то голос: «Да он вроде дышит, давай оттащим его в сторону».

Очнулся отец в тыловом госпитале. Его прооперировали, но врачи побоялись вынуть осколки из позвоночника. Через несколько месяцев он снова встал в строй и прошёл всю войну до Победы. За участие в боевых действиях отец был награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, многими медалями.

...А начиналась его жизнь мирно и просто. Родом отец из Пермской области. Там получил образование, выбрав самую мирную профессию – учитель. Родители мои познакомились на Урале, в городе Ирбит, и перед Великой Отечественной войной переехали в подмосковный Калининград по распределению.

Я родился, когда отец уже познал опыт боевых действий у озера Хасан и в финской кампании. Но после их окончания сразу возвращался к своим уче-